

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-2-22-32

УДК 316

Социальные риски и социальная безопасность малоимущих неполных семей (на материалах исследований в г. Красноярске)

Ирина Георгиевна Синьковская

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии,
Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва (г. Красноярск)
iranet.75@mail.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка изучения современного российского общества с позиции социологической теории риска. Автором дается определение социальных рисков, описываются их характеристики, рассматриваются различные типы риск-солидарностей как способа адаптации к рискам. Выделяются и описываются типологии социальных рисков. Особое внимание уделяется бедности как социальному явлению, продуцирующему рискогенную среду, которая формирует угрозы на разных уровнях социума. Среди малообеспеченных социальных групп автор выделяет в качестве объекта исследования неполную семью с несовершеннолетними детьми, возглавляемую женщиной и имеющую доходы на уровне прожиточного минимума. Подобные семьи находятся в особом «пограничном состоянии», что делает их наиболее подверженными рискам личностного и социального характера. Целью статьи является оценка способности женщин — глав малообеспеченных неполных семей — осуществлять самосохранительное поведение, направленное на защиту их семей от ожидаемых угроз. На основе эмпирических данных показаны особенности представлений женщин, возглавляющих неполные семьи, об актуальных для них типах социальных рисков. Выявлен доминирующий локус контроля, определены основные практики самосохранительного поведения, направленного на защиту от ожидаемых угроз. В ходе анализа выделены основные типы социально-психологических реакций на риск, сформулированы предложения для социальной защиты данной категории семьи.

Ключевые слова: общество риска, социальные риски, бедность, рискогенная среда, неполные семьи, пограничное состояние, самосохранительное поведение, социальная защита.

Цитирование: Синьковская И. Г. Социальные риски и социальная безопасность малоимущих неполных семей (на материалах исследований в г. Красноярске) / И. Г. Синьковская // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 2. С. 22-32.

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-2-22-32

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество формирует среду, где риски становятся неотъемлемой частью общественной жизни, приобретая самостоятельную форму существования. Как отмечал один из создателей социологической «теории риска» У. Бек, риск становится постоянным спутником прогресса и все больше превращается в творение самого человека. Данный этап развития цивилизации он назвал Обществом риска, где увеличе-

ние фрагментарности, хаоса размывает границы между природой и культурой, а также между классами, нациями и людьми [2].

Аккумуляция рисков привела к осознанию необходимости теоретического осмысления сущности риска, сделав их предметом изучения ряда зарубежных (У. Бэк, Н. Луман, Э. Гидденс, М. Фуко, А. Вилдавски, К. Дрейк, М. Дуглас и др.) и отечественных исследователей (О. Н. Яницкий, С. А. Кравченко, И. А. Афанасьев, С. Р. Ахмеров,

В. И. Зубков, Ю. А. Зубок, В. С. Ибрагимова, С. А. Красилов, А. В. Мозговая и др.).

При сравнении рисков прошлого и настоящего следует выделить особенности последних: они не ограничены временем и пространством; оторваны от прошлого; носят масштабный характер; лишены индивидуальности и добровольности; часто носят «закрытый» характер, что затрудняет их оценку, возможность предупреждения и эффективную компенсацию [12, с. 336].

Классификация рисков — чрезвычайно сложная задача, поскольку они формируются в любых сферах общественной жизни, считает У. Бек. Особое внимание в современной социологии начинает уделяться социальным рискам, которые трактуются как риски, не обусловленные биологической природой человека или природными процессами, а проявляющиеся в социальных ситуациях через деятельность человека или отказ от нее в ситуации неопределенности, требующей от индивида оценки собственных действий, а также негативных социальных воздействий как на его собственную жизнедеятельность, так и здоровье его самого и близких ему людей [2, с. 220].

Значимой характерной чертой современных рисков является их амбивалентность. Суть ее в том, что в основе распределения рисков лежит классовая схема, но действующая в противоположном порядке: если богатства концентрируются в верхних общественных слоях, то риски — удел нижних. Однако иногда рискам присущ «эффект бумеранга», который представляет собой абсолютную незащищенность всех слоев общества перед глобальными рисками (например, угроза терроризма, экологической, техногенной катастрофы, экономического глобального кризиса) [2]. Поэтому осознание всеобщности социальных рисков предполагает формирование рефлексивности индивидов как некой практики защиты от них или минимизации негативных последствий рисков. Эта рефлексивность формирует рациональность, ответственность человека перед выбором социальных отношений как своеобразным способом управления рисками.

Подобная рефлексивная рациональность выработала новые практики социальной солидарности, складываются новые социальные образо-

вания, имеющие зачастую противоположные представления о тех или иных потенциальных угрозах и рисках. В частности, О. Н. Яницкий, один из разработчиков концепции общества риска, доказывает, что новые практики социальной солидарности не «отклонение», а норма социальной жизни [13]. Эта своеобразная современная система дифференциации социальных групп является непостоянной, открытой и амбивалентной, т. к. производители риска становятся их пассивными или латентными жертвами, особенно если это касается глобальных рисков.

В связи с тем, что само социальное устройство порождает социальные факторы риска, общество вырабатывает и совершенствует систему защиты от них. В частности, эта задача реализуется государством посредством системы социальной защиты. Международные и российские нормативно-правовые акты (например: Декларация прав человека, Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», Конституция РФ, Федеральный закон № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования») определяют виды социальных рисков, защита от которых гарантируется Российской Федерацией как социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Всеобщность рискогенной среды и адресный характер государственной социальной поддержки ставит человека перед необходимостью формирования практик самосохранительного поведения относительно различных угроз. Особенно это актуально для слоев, именуемых малоимущими или «живущими за чертой бедности», исходя из уровня их материального дохода. Тем самым цель данной статьи состоит в описании представлений об актуальных рисках, и анализ самосохранительного поведения наиболее социально незащищенных слоев населения г. Красноярска (как одного из сибирских мегаполисов) относительно разнообразных рисков является значимым с точки зрения понимания степени их защиты от потенциальных угроз и оценки уровня безопасности воспитывающихся в таких семьях детей.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В Красноярском крае минимальный прожиточный минимум на первый квартал 2018 г. составил: для трудоспособного населения — 11 981 руб., пенсионеров — 8 823 руб., детей — 11 977 руб. [8].

Особенностью социальной структуры российского общества является неоднозначность экспертной оценки и самооценки социального статуса значительной части граждан, уровень дохода которых приближен к минимальному прожиточному минимуму, разделяющему население страны на бедное и не являющееся таковым. Оправданность способа определения бедных на основе такого показателя, как уровень прожиточного минимума, вызывает серьезные сомнения хотя бы потому, что состав потребительской корзины не учитывает реальных затрат населения на коммунальные платежи и необходимую медицинскую помощь. Особенно это проявляется на сумме ПМ пенсионеров, в силу объективных причин наиболее зависимых от качества медицинской обеспеченности, но при этом обладающих наименьшей степенью материальной защищенности, что создают прямую угрозу их жизни и здоровью.

По данным НИУ ВШЭ, по итогам первого квартала 2015 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составила почти 23 млн чел. [10, с. 175]. По данным Росстата за 2017 г., за чертой бедности оказалось более 20 млн чел., что составляет почти 14% от всей численности населения России. При этом россияне, доходы которых близки к черте бедности, но не переступили ее (а таких, по разным социологическим исследованиям, около 40 млн), также причисляют себя к «бедным слоям» на основании невозможности полноценного удовлетворения основных потребностей (еда, жилье, одежда) [9].

Низкий уровень и качество жизни малоимущих слоев населения напрямую отражается на их здоровье (развитие хронических заболеваний), снижении трудоспособности, росте агрессии, аномии, следствием которых является склонность к девиантным практикам как способу выживания в неблагоприятной для них внешней среде,

субъектами которой являются общество и государство.

Тем самым бедность как фактор риска в современной России чрезвычайно значима именно с позиции социальных рисков, возникающих сразу на трех уровнях:

1. на макроуровне, где проявляется, например, в виде угрозы безопасности государства из-за увеличения численности маргинальных и люмпенизированных групп, склонных к оппозиции и экстремизму;
2. на мезоуровне — в виде рисков, связанных со структурой и функционированием семьи как социального института и социальной группы (рост разводов, домашнего насилия, увеличение семей «группы риска», неблагополучных семей, неполных семей, социальное сиротство и др.);
3. на микроуровне — когда недостаток финансовых ресурсов формирует двойную занятость и нагрузку, что отражается на воспитании, социализации и нравственности детей, растущих в условиях острого дефицита не только предметов первой необходимости, но и внимания, заботы со стороны близких, зачатую сталкивающейся со стигматизацией и дискриминацией.

Нехватка экономических ресурсов снижает способность малоимущих групп к сопротивлению рискогенной среде из-за истощения жизненных сил. Являясь важнейшим ресурсом индивида, жизненные силы определяют его социальное сочувствие, а также желание и способность решать возникшие в результате различных обстоятельств жизненные проблемы. Исследование жизненных сил ряда малоимущих социальных групп, проведенное в г. Красноярске в 2015-2016 гг., показало, что следствием их снижения является ограничение потребностей, заниженная самооценка, падение способности эффективно решать возникающие задачи, а также минимизация ответственности за безопасность своих близких [11].

Министр труда и социальной защиты М. Топилин, выступая на съезде уполномоченных по правам несовершеннолетних, заявил: «Из всей

численности тех, кто находится ниже уровня прожиточного минимума по доходам, по нашим оценкам, почти 70% — это семьи, которые имеют детей» [6]. Причем количество несовершеннолетних детей, проживающих в малоимущих семьях, по его словам, в последние годы только увеличивается.

Рост числа разводов, раздельное проживание партнеров, приоритет сожительства над официальным браком, появление и распространение гостевых незарегистрированных браков между россиянками и трудовыми мигрантами из стран СНГ, увеличение числа внебрачных рождений привели к тому, что неполные семьи и одинокие матери становятся масштабным явлением. По заявлению экс-уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка П. Астахова, больше половины родителей периодически не выплачивают своим детям алиментов, а каждый третий совсем не платит. Ситуация, при которой мужчины, уходя из семьи, утаивают доходы, предпочитая платить установленный государством минимум или не платить вообще, обусловлена традиционно сформировавшимся гендерным контрактом, который «определяет, кто и за счет каких ресурсов осуществляет организацию домашнего хозяйства, уход за детьми и престарелыми в семье и за ее пределами» [1].

По данным Красноярскстата, каждая четвертая семья в Красноярском крае неполная. Всего в регионе, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., проживает 823 тыс. семей. Из них 271,7 тыс. — супружеские пары без детей, 185,1 тыс. — матери с детьми, 19,1 тыс. — отцы с детьми. При этом занятость мужчин остается более высокой, чем женщин: мужчины — 66%, женщины — 56% (по данным переписи 2002 г., 61 и 49% соответственно) [5].

Высокая численность неполных семей, имеющих низкий уровень дохода и возглавляемых женщиной, позволяет выделить их в особую социальную группу с минимальной степенью защищенности от социальных рисков при высокой степени ответственности за социальную безопасность воспитывающихся в них детей. Подобное сочетание отражает глубокое социаль-

но-психологическое противоречие, проявляющееся в ролевом конфликте, с которым сталкивается женщина, вынужденная реализовывать как экспрессивную, так и инструментальную функции. Такая ситуация риска, по мнению представительницы культурно-символического подхода М. Дуглас, определяется как «пограничное состояние», при котором человек напрямую соприкасается с опасностью [3].

В Красноярске в 2017 г. автором при участии сотрудников кафедры социальной работы и социологии Сибирского государственного университета им. М. Ф. Решетнёва было проведено исследование представлений о социальных рисках женщин, возглавляющих неполные семьи, в которых воспитывается один и более несовершеннолетних детей.

Исследование осуществлялось методом формализованного интервью по месту жительства в доверительной домашней атмосфере. Всего было опрошено 114 женщин, стоящих во главе неполных семей. Особыми условиями отбора неполных семей были доходы семьи на уровне прожиточного минимума и отдельное проживание матери и детей от ее родителей и других родственников. Для статистического анализа данных использовался пакет программ SPSS.

С целью изучения представлений неполных семей о социальных рисках были выделены такие индикаторы, как условия и уровень жизни, социальное самочувствие, основные угрозы, локус контроля и практики самосохранительного поведения.

Ситуации, которые привели к появлению неполной семьи, респондентами были сгруппированы по следующим причинам: развод — 52%, рождение детей в «гражданском браке» (неофициальном) — 30%, рождение ребенка «для себя» — 15%, вдовство — 3%.

К условиям и уровню жизни как ресурсам, которыми обладают женщины, следует отнести количество детей, оценку материального благосостояния, образование, наличие работы и оценку состояния здоровья.

Количество детей в семье увеличивает ситуацию неопределенности, повышая число потен-

циальных рисков. Среди респонденток 42% женщин имеют одного ребенка, 34% — двух детей, и 24% — трех и более.

По мере закрепления в сознании россиян рыночных отношений, материальные ценности составляют ресурсы, влияющие на способности к социальной адаптации большинства групп населения и определяющие степень социальной защищенности от разных угроз. Ограниченный объем статьи не позволяет представить полные данные уровня материальной обеспеченности неполных семей, однако следует отметить, что менее половины изучаемых семей имеют жилое помещение в собственности (34%), остальные вынуждены тратить деньги на оплату аренды (18%) или социального найма (48%). При этом последние объясняют невозможность приватизации жилья отсутствием средств для данной процедуры. Низкое материальное положение неполных семей усугубляется наличием кредитов или долгов, которые отмечают у 94% женщин.

Ответы на открытый вопрос «Какие материальные проблемы Вас беспокоят?» были сгруппированы по нескольким блокам, представленным в таблице 1.

Все респондентки, имеющие двух и более детей, отметили недостаток средств на насущные нужды (еда, одежда, медикаменты). Актуальность недостатка средств на образование и культурно-досуговое обеспечение объясняется женщинами необходимостью и требованием детей подобных мероприятий от родителей.

Немаловажными защитными ресурсами является уровень образования, наличие работы и степень удовлетворенности ею (таблицы 2, 3). Из данных таблиц видно, что респондентки обладают достаточно высоким образовательным и профессиональным потенциалом при высокой степени неудовлетворенности своей работой (62%).

Оценка своего здоровья как защитного ресурса была представлена в следующих соотношениях: 40% женщин отметили плохое самочувствие, 38% дали ему оценку «удовлетворительно», и 22% — «хорошо». Можно отметить, что женщины, имеющие одного ребенка, в большей степени оценивают состояние своего здоровья как «хорошее» по сравнению с многодетными матерями.

Как видно, низкий уровень и качество жизни, проявляющиеся через невозможность удовлетворения основных жизненных потребностей, неудовлетворенность имеющейся работой и неблагоприятные оценки состояния здоровья можно отнести к факторам риска.

Таблица 1. Оценка населением их уровня жизни (в % от количества ответов)

Table 1. Population's evaluation of their standards of living (% of responses)

Варианты ответа	Распределение ответов по кол-ву детей		
	1	2	≥ 3
Денег не хватает даже на еду	29	37	54
Денег хватает только на еду	45	50	38
Денег хватает на еду и одежду	26	18	12
На повседневные затраты хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	8	—	—
Не хватает денег на дополнительные образовательные услуги для детей	68	77	90
Не хватает денег на необходимые лекарства	50	87	95
Не хватает денег на культурно-досуговые мероприятия	64	84	95

Таблица 2. Образование респондентов (в % от количества опрошенных)

Table 2. Respondents' education (% of total respondents)

Варианты ответа	Кол-во ответивших
Послевузовское (аспирантура, второе высшее и др.)	0
Высшее	27
Неоконченное высшее	16
Средне-специальное	27
Среднее	28
Неоконченное среднее	2
Без образования, начальное образование	—

Социальное самочувствие женщин выявлялось через самооценку эмоционального состояния на четырех уровнях. Результаты показали, что «спокойствие и уверенность» не свойственны никому; «периодическое состояние тревоги» чувствуют 18%; «часто возникающее беспокойство» — 38%; «постоянное ощущение беспокойства» — 41%. Кроме того, «отсутствие уверенности в завтрашнем дне» отметили все участники исследования, так же как и «ощущение абсолютной незащищенности». Среди вариантов ответа «другое» в 28 случаях был дан ответ «нехватка жизненных сил».

Само понятие «риск» у респонденток ассоциируется с угрозами (92%), опасностью (88%), ущербом (86%), неизвестностью (84%), а также необходимостью принимать решения (78%). Оценка женщинами возможности присутствия в их жизни определенных рисков позволили выявить «ядра», несущие в их представлении наибольшую угрозу. В наиболее общем виде их можно представить в следующем виде:

- риски, связанные с детьми (болезнь детей, проявления их склонности к девиантному поведению, конфликт с детьми, трудности

образования детей, опасения за успешность/неуспешность их дальнейшей жизни, стигматизация детей); описательная сила фактора — 36%;

- личные риски (потеря здоровья, потеря близких, постоянный стресс, неуверенность в реализации своих стремлений в будущем) — 23%;
- социально-экономические риски (потеря работы, потеря жилья, утрата дополнительных доходов, невозможности выплаты кредита) — 14%;
- социогенные риски (терроризм, военная угроза, экономический кризис, рост безработицы, политический кризис, риск утраты культурных традиций и солидарности, рост преступности) — 4%;
- риски техногенного характера (связанные с транспортом, взрывами, пожарами, генетическими технологиями, химическими и радиационными загрязнениями окружающей среды) — 2%;
- природные риски (землетрясения, наводнения, молнии) — 1%.

Таблица 3. Распределение ответов на вопросы «Кем Вы работаете сегодня?» и «Насколько удовлетворены работой?» (в % от количества опрошенных)

Table 3. Distribution of questions “What do you do for a living?” and “To what extent are you satisfied with your work?” (% of respondents)

Специальность/профессия	Кол-во ответивших	Удовлетворенность работой	
		да	нет
Рабочие, технический персонал (уборщицы и др.)	10	2	8
Инженерно-технические работники, госслужащие, управленцы среднего звена	11	10	1
Предприниматели	2	1	1
Экономисты, бухгалтеры	5	3	2
Работники медицинской сферы	14	5	9
Учителя, преподаватели, работники культуры	14	7	7
Юристы	—	—	—
Работники торговли, сферы услуг, службы быта	12	7	5
Работники правоохранительной системы	—	—	—
Не работаю, не учусь	9	—	9
Студентка	9	—	9
Другое	23	10	13

Вопросы, направленные на выявление характеристик самосохранительного поведения для избежания данных рисков, показали, что респонденты в большинстве своем прилагают минимальные усилия, чтобы избежать по возможности ожидаемых рисков. Так, при высоком уровне оценки личностных рисков только 9% опрошенных, опасаящихся за свое здоровье, прошли необходимую диспансеризацию; 15% респондентов обращаются к врачу до того, как это становится неизбежным; 79% предпочитают заниматься самолечением, используя интернет для определения заболевания и подбора лекарственных средств. Страх потери близких не способствует тесному с ними общению, основанному на доверии, взаимопонимании и поддержке. Риск потери работы не формирует практики расширения профессиональных компетенций (только 4% респондентов, кроме основной работы, дополнительно осваивают какие-либо профессии и расширяют свои знания). Лишь 15% женщин в дальнейшем предпочитают не брать кредиты.

Особый блок составляют риски, связанные с детьми; здесь самосохранительное поведение характеризуется амбивалентностью. По отзывам респондентов (полученных в результате свободного интервью), вся их деятельность направлена на то, чтобы в будущем дети максимально были защищены от ситуаций риска. Однако количество времени, которое они могут уделять своим детям, крайне незначительно и тратится в основном на решение текущих задач, что никак не способствует формированию доверительных отношений между родителями и детьми. 68% женщин подчеркнули, что им «не хватает времени и сил на общение с детьми», и они оценивают это как дополнительный фактор риска, связанный с будущим детей.

Вопрос «Что Вы делаете, чтобы защитить себя от возможных рисков?» позволил в некоторой степени проявить жизненную позицию исследуемых женщин. Полученные ответы можно группировать в два типа жизненной позиции: 1) активная (стараюсь подработать, повысить квалификацию, ищу высокооплачиваемую работу, обращаюсь в социальные службы и организую группы взаимопомощи в социальных сетях) характеризуется

индексом выборов 32,6; в то время как 2) пассивная (работаю на приусадебном участке, экономлю, ничего не делаю) — 38,9. Тем самым можно сказать, что среди респонденток с небольшим перевесом доминирует пассивная жизненная позиция. Она характеризуется сужением социальных контактов и возведением «порогов социального участия», при которых человек старается в одиночку решать свои проблемы, сознательно избегая активного поиска внешней поддержки.

Локус контроля как свойство индивида обуславливает свою деятельность внешними обстоятельствами (экстернальность) либо же внутренними факторами (интернальность) в данном исследовании значим с точки зрения понимания механизмов принятия решений в ситуации риска. Локус контроля оценивался через ряд вопросов, связанных с выявлением факторов, влияющих на принятие значимых решений, самооценкой респондентов в области влияния на свою жизнь, зависимостью улучшения жизни от кого-либо.

Результаты исследования проявили абсолютное отсутствие склонности к риску у 78% опрошиваемых женщин; 22% согласились рисковать лишь в ситуации, когда предоставляется возможность получить какие-либо выгоды; желание рисковать ради получения дополнительного опыта или азарта не проявил никто.

Факторами, влияющими на принятие решения в ситуации риска, выступают безвыходность ситуации (66%), наличие поддержки, сторонников (56%), высокая заинтересованность в результате (29%) и достоверность информации (16%). Факторами, мешающими принимать решение в ситуации риска, являются страх ошибки (78%), отсутствие сторонников, поддержки (65%), нехватка информации (23%), а также страх потерять что-либо уже имеющееся (18%).

Полученные данные относительно самооценки степени влияния на собственную жизнь показали, что женщины амбивалентно оценивают свои возможности влияния на ход собственной жизни, что позволяет предположить наличие на вербальном уровне массового сознания как экстернального, так и интернального локуса контроля.

Степень зависимости от внешних воздействий уточнялась с помощью вопроса «Как Вы считаете,

в какой степени Ваша защита от рисков зависит от...?». В качестве основы вопроса использовалась дополненная нами формулировка индикатора для определения степени локуса контроля, примененная в работе В. Г. Немировского и А. В. Немировской [7, с. 139] (таблица 4).

Тем самым на уровне массового бессознательного экстернальный тип локуса контроля проявляется в возложении основных надежд в сфере безопасности жизни на разные элементы института власти (более 80%). При этом 58% женщин принимают на себя ответственность по защите от вероятных угроз (что указывает на проявление интернальности).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующая «черта бедности» создает грань, за которой формируется образ жизни, являющийся питательной средой для различного рода рискогенных факторов, несущих угрозу безопасности личности, семье и обществу в целом (аномия, рост девиации и преступности, падение индекса развития человеческого потенциала, повышение уровня конфликтогенности и др.). Многочисленность малоимущих неполных семей, воспитывающих несовершеннолетних детей, выступает основанием для особо пристального внимания к ним со стороны государства, а именно с точки зрения необходимости их социально-психологической и экономической защиты от различных угроз.

Обобщая результаты изучения представления о социальных рисках женщин, возглавляющих малообеспеченные неполные семьи в городе Красноярске, можно сделать ряд выводов. Нехватка материальных средств на удовлетворение ведущих жизненных потребностей, а также необходимость совмещать инструментальную и экспрессивные функции являются факторами, погружающими матерей-одиночек в пограничное состояние, снижающее их способность к самосохранительному поведению, необходимому для предупреждения и защиты от потенциальных опасностей внешней среды.

Отсутствие ресурсов как экономических (уровень дохода, качество жизни), так и психологических (пассивная жизненная позиция, экстернальный локус контроля) в первую очередь поднимает вопросы безопасности несовершеннолетних детей. Последние, зачастую воспитываясь в условиях острого дефицита не только предметов первой необходимости, но и должного контроля и заботы со стороны матери, сталкиваются с эмоциональной депривацией. Это впоследствии не может не отразиться на их мировоззрении, жизненной позиции и склонности к девиантным практикам как наиболее доступным способам приспособления к враждебному социуму.

Осознание женщинами множественности рисков, связанных с социализацией детей, тем не менее не отражает их способности предотвратить потенциальные опасности из-за отсутствия не-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени Ваша защита от рисков зависит от ...» (в % от числа ответивших на вопрос)

Table 4. Distribution of responses to the question "To what extent do your risks depend on..." (% of respondents)

Варианты ответа	Полностью зависит	Вероятно зависит	Затрудняюсь ответить	Вероятно не зависит	Полностью не зависит
От федеральных властей	57	25	2	14	2
От региональных властей	59	28	0	10	3
От городских властей	58	24	3	13	2
От руководства на работе	18	21	17	23	21
От родственников	40	27	6	15	12
От вас самих	36	22	6	20	16
От друзей	22	26	17	17	18
От людей, находящихся в аналогичной ситуации	2	6	18	31	57

обходимых для этого личностных ресурсов (плохое здоровье, высокий уровень стресса, недостаток жизненных сил, нехватка времени).

Исследование выявило низкий уровень риск-солидарности малоимущих неполных семей при высоком доверии к институтам власти и надежде на их поддержку и защиту.

Проведенные исследования выявляют ситуацию в г. Красноярске как одном из сибирских мегаполисов, что, с точки зрения автора, позволяет допустить экстраполяцию полученных результатов и на другие регионы Российской Федерации. Безусловно, верификация данной гипотезы возможна в ходе дальнейших эмпирических исследований в других регионах, в т. ч. Сибирского федерального округа, с применением уже

отработанной методики по изучению социальных рисков и социальной безопасности различных социальных групп населения.

Таким образом, социальные риски российского общества акцентируют внимание на создании соответствующих реалиям механизмов, обеспечивающих индивидуальную и социальную безопасность как необходимую практику существования в обществе рисков. В этой связи социальная работа, охватывающая все сферы жизни человека — личную, социально-бытовую, общественную, трудовую, культурную, политическую — обязана рассматриваться как платформа для своевременной и адекватной государственной политики в сфере безопасности малоимущих семей, имеющих несовершеннолетних детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахов П. Интервью / П. Астахов // Российская газета. 26.04.2012. URL: <https://rg.ru/2012/04/26/semiya-anons.html> (дата обращения: 07.07.2018).
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об оскверненности и табу / М. Дуглас; пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 288 с.
4. Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С. А. Кравченко. М.: Анкил, 2009. 224 с.
5. Красноярские статистики подсчитали соотношение мужчин и женщин // Городские новости. 01.11.2013. № 2867. URL: <http://www.gornovosti.ru/glavnoe/krasnoyarskiye-statistiki-podschitali-sootnosheniye-muzhchin-i-zhenshchin44540.htm> (дата обращения: 07.07.2018).
6. Министр труда и социальной защиты М. Топилин назвал семьи с детьми большинством среди живущих в бедности // Общество. 28.05.2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/05/2018/5b0c24519a7947ee2dd0e895> (дата обращения: 07.07.2018).
7. Немировский В. Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2011. 159 с.
8. Прожиточный минимум и МРОТ в Красноярском крае. URL: <https://pmini.ru/sfo/krasnoyarsk/> (дата обращения: 07.07.2018).
9. Росстат назвал число бедных россиян // Российская газета. 14.12.2017. URL: <https://rg.ru/2017/12/14/rosstat-nazval-chislo-bednyh-rossiian.html> (дата обращения: 07.07.2018).
10. Синьковская И. Г. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: коллективная монография / И. Г. Синьковская. Ульяновск: Зебра, 2017. № 2. 289 с.
11. Синьковская И. Г. Жизненные силы в основе социально-экономического потенциала неполной семьи / И. Г. Синьковская // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии: электрон. науч. журн. 2017. № 25. URL: <http://vsoa.esrae.ru/191-1038>
12. Синьковская И. Г. Социальные риски в Российском обществе / И. Г. Синьковская // Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2018. С. 335-339.
13. Яницкий О. Н. Социология риска / О. Н. Яницкий // Мир России. 2014. № 1. С. 3-32.

Social Risks and Social Security of Poor Single-Parent Families

Irina G. Sinkovskaya

Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Social Work and Sociology, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk)
iranet.75@mail.ru

Abstract. This article studies the modern Russian society from the perspective of sociological theory of risk. The definition of social risks and the description of their characteristics are given, different types of risk-solidarity are considered as ways of adapting to risks. The typology of social risks is identified and described. Special attention is paid to poverty as a social phenomenon that produces a riskogenic environment and forms threats on different levels of society. Among the low-income social groups, the author chooses as an object of the study an incomplete family with minor children with women in charge, whose income lies at the level of the living minimum. Such family is considered as being in a special “borderline state”, which makes it the most exposed to personal and social risks. Furthermore, the obtained empirical data show actual social risks of the women in charge of incomplete families. The features of these representations are shown. The dominant locus of control is detected. The basic practices of self-preservation behaviour, aimed at protecting against expected threats, are revealed. The analysis has highlighted the main types of socio-psychological reactions to the risk. The proposals for social protection of this category of family are formulated.

Keywords: society of risk, social risks, poverty, risky environment, incomplete families, borderline state, self-preservation behaviour, social protection.

Citation: Sinkovskaya I. G. 2018. “Social Risks and Social Security of Poor Single-Parent Families”. *Siberian Socium*, vol. 2, no 2, pp. 22-32.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-2-22-32

REFERENCES

1. Astakhov P. 2012. “Interv’yu” [Interview]. *Rossiyskaya gazeta*, 26 April. Accessed on 7 July 2018. <https://rg.ru/2012/04/26/semiya-anons.html>
2. Beck U. 2000. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risikogesellschaft]*. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Douglas M. 2000. *Chistota i opasnost’: analiz predstavleniy ob oskvernennosti i tabu [Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo]*. Translated from English by R. Gromova; edited by S. Bankovskaya. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole.
4. Kravchenko S. A. 2009. *Riski v nelineynom globolokal’nom sotsiume [Risks in the Non-Linear Global Local Socium]*. Moscow: Ankil.
5. *Gorodskie novosti*. 2013. “Krasnoyarskie statistiki podschitali sootnoshenie muzhchin i zhenshchin” [Krasnoyarsk Statisticians Have Calculated the Ratio of Men and Women]. *Gorodskie novosti*, 1 November, no 2867. Accessed on 7 July 2018. <http://www.gornovosti.ru/glavnoe/krasnoyarskiye-statistiki-podschitali-sootnosheniye-muzhchin-i-zhenshchin44540.htm>
6. *Obshchestvo*. 2018. “Ministr truda i sotsial’noy zashchity M. Topilin nazval sem’i s det’mi bol’shinstvom sredi zhivushchih v bednosti” [Minister of Labour and Social Protection M. Topilin Called Families with Children a Majority among Those Living in Poverty]. *Obshchestvo*, 28 May. Accessed on 7 July 2018. <https://www.rbc.ru/society/28/05/2018/5b0c24519a7947ee2dd0e895>

7. Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V. 2011. Sotsial'naya struktura i sotsial'nyy kapital naseleniya Krasnoyarskogo kraya [Social Structure and Social Capital of the Population of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo federal'nogo universiteta.
8. Prozhitochnyy minimum i MROT v Krasnoyarskom krae [Living Minimum and Minimum Wage in the Krasnoyarsk Territory]. Accessed on 7 July 2018. <https://pmini.ru/sfo/krasnoyarsk/>
9. Rossiyskaya gazeta. 2017. "Rosstat nazval chislo bednykh rossiyan" [Rosstat Announced the Number of Poor Russians]. Rossiyskaya gazeta, 14 December. Accessed on 7 July 2018. <https://rg.ru/2017/12/14/rosstat-nazval-chislo-bednyh-rossiian.html>
10. Sinkovskaya I. G. 2017. Aktual'nye psihologo-pedagogicheskie, filosofskie, ekonomicheskie i yuridicheskie problemy sovremennogo rossiyskogo obshchestva: kollektivnaya monografiya [Current psychological, Pedagogical, Philosophical, Economic and Legal Problems of Modern Russian Society: Collective Monograph]. Vol, 2. Ulyanovsk: Zebra.
11. Sinkovskaya I. G. 2017. "Zhiznennye sily v osnove sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala nepolnoy sem'i" [Life Forces at the Basis of the Socioeconomic Potential of an Incomplete Family]. Vestnik Vostochno-Sibirskoy otkrytoy akademii: elektron. nauch. zhurn, no 25. <http://vsoa.esrae.ru/191-1038>
12. Sinkovskaya I. G. 2018. "Sotsial'nye riski v Rossiyskom obshchestve" [Social Risks in the Russian Society]. In: Tekhnologii sotsial'noy raboty v razlichnykh sferakh zhiznedeyatel'nosti, pp. 335-339. Mahachkala: Iz-vo DGU.
13. Yanitskiy O. N. 2014. "Sotsiologiya riska" [Sociology of Risk]. Mir Rossii, no 1, pp. 3-32.